

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-192-196>

## **Коррупционные преступления и сфера жилищно-коммунального хозяйства: криминалистический аспект в свете цифровизации**

**Г. А. Алиева**кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,  
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.  
E-mail: [alieva.ga@rea.ru](mailto:alieva.ga@rea.ru)

## **Corruption Crimes and Housing and Communal Services: a Criminalistic Aspect in the Light of Digitalization**

**G. A. Alieva**PhD in Law, Associate Professor of the Department  
of Civil Law Disciplines of the PRUE.Address: Plekhanov Russian University of Economics,  
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.  
E-mail: [alieva.ga@rea.ru](mailto:alieva.ga@rea.ru)*Поступила 24.08.2025 Принята к печати 01.09.2025*

### **Аннотация**

В рамках настоящей статьи автор предлагает читателям рассмотрение некоторых криминалистических аспектов, касающихся одной из сфер экономической деятельности нашего государства – сферы жилищно-коммунального хозяйства. За последние годы она претерпевает ряд изменений, которые, в свою очередь, не могут не отражаться на обстоятельствах совершения в ней преступных посягательств. С другой стороны, весомый вклад в развитие преступных механизмов в рассматриваемой отрасли человеческой деятельности вносят цифровые технологии. Благодаря им совершаются коррупционные (и не только) преступления, и благодаря им же их расследуют. Они вносят новый вектор в развитие криминалистической науки в целом, а в частности – в методику расследования коррупционных преступлений, которые сегодня стали именовать цифровой коррупцией. Отмечается ряд изменений, которые произошли в сфере жилищно-коммунального хозяйства в связи с цифровизацией. Предлагается небольшой обзор способов совершения преступлений в указанной сфере, отмечаются возможные следы, которые преступники могут оставлять на месте совершения преступления и др. Кроме того, читателям предлагается ознакомиться с фабулами из материалов уголовных дел по данной группе преступлений, которые имеют свои специфические особенности, освещенные автором в других трудах.

**Ключевые слова:** методика расследования, экономические преступления, коррупционные преступления, криминалистическая тактика, жилищно-коммунальное хозяйство, цифровизация.

### **Abstract**

Within the framework of this article, the author offers readers a review of some criminalistic aspects related to one of the spheres of economic activity of our state – the sphere of housing and communal services. In recent years, it has undergone a number of changes, which, in turn, cannot but be reflected in the commission of criminal attacks in it. In turn, digital technologies make a significant contribution to the development of the criminal world in this branch of human activity. Thanks to them, corruption crimes are committed (and not only), and thanks to them they are investigated. They introduce a new vector into the development of criminalistic science as a whole, as well as separately into the methodology of investigating corruption crimes, which today have become known as digital corruption. There are a number of changes that have occurred in the field of housing and communal services in connection with digitalization. A brief overview of the ways of committing crimes in this area is offered, possible traces that criminals may leave at the crime scene, etc. are noted. In addition, readers are invited to familiarize themselves with the plots from the materials of criminal cases on this group of crimes, which have their own specific features, which are described by the author in other works.

**Keywords:** investigation methodology, economic crimes, corruption crimes, criminalistic tactics, housing and communal services, digitalization.

Количественные показатели коррупционных преступлений вновь набирают обороты. Так, по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации всего за 2023 год выявлено 36,4 тыс. коррупционных преступлений, а в 2024 г. — 38,5 тыс. Рост составил 5,7%. В первом квартале 2025 г. выявлено 15 458 коррупционных преступлений — на 24% (почти на четверть) больше, нежели в 2024 г. (12 466 преступления).

Согласно статистике последних двух лет, больше половины коррупционных преступлений — это взятки: в 2023 г. — 55,7%, в 2024 г. — 60,3%. При этом доля случаев мелкого взяточничества сократилась. В прошлом дела по этой категории использовались для увеличения показателей в сфере борьбы с коррупцией<sup>1</sup>.

По данным за 2024 год (по состоянию на февраль 2025 г.) международной неправительственной организации Transparency International, из 184 стран Россия находится на 161-м месте по индексу восприятия коррупции в мире (в 2023 г. — 146; в 2022 г. — 143; в 2021 г. — 136)<sup>2</sup>. Обозначенные данные наглядно отражают ежегодное понижение уровня восприятия исследуемого противоправного деяния в социуме.

Особый интерес представляют коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Отметим, что анализ специальной литературы и практики внедрения цифровизации показывает, что в тех регионах Российской Федерации, где наблюдается низкий показатель уровня жизни общества (в основном это Северо-Кавказский федеральный округ), количество исследуемых преступлений гораздо выше, отсутствует должный контроль со стороны органов государственной власти и правоохранительных структур. Помимо денежных вложений, направляемых из множества источников в данную сферу экономической деятельности (оборот составляет примерно 4–6 трлн руб. в год), наблюдаются новые способы совершения указанных правонарушений, включая тяжкие преступления, свя-

занных с внедрением нового элемента управления человеческой деятельностью — цифры.

В связи с внедрением цифровых технологий особую актуальность не только в Российской Федерации, но и во всем мире приобретает борьба с коррупционными преступлениями. Коррупция не исчезла с появлением информационных технологий, она адаптировалась и приобрела более изощренный вид. Мы живем в то время, когда цифровые технологии могут использоваться как для преступлений, так и для борьбы с ними. Криптовалюты, блокчейн, анонимная маршрутизация превратили взяточничество в высокотехнологический бизнес с минимальными рисками для участников сделки.

С. А. Попова и С. В. Акулин пишут о цифровой коррупции — это новый термин, который начинает входить в общественную жизнь [3. — С. 181]. Рассматривая его через призму криминалистической науки, необходимо отметить, что данное понятие включает в свое содержание специфический элемент криминалистической характеристики преступления в виде такого инструмента его подготовки, совершения и сокрытия, как цифровые следы. Кроме того, объект посягательства видоизменяется, — с ценных бумаг, денежных и иных материальных средств на цифровые, что, в свою очередь, напрямую отражается на следовой картине.

Одним из примеров могут выступать материалы уголовного дела в отношении следователей Следственного комитета Российской Федерации М. Тамбиева и К. Ляховенко, которые вымогали у хакеров из группировки Infracore Organization 2 718 биткойнов (7,3 млрд руб.) и более 1,5 млн долларов, не приняли мер по аресту и обращению в доход государства криптовалюты на сумму более 14 млрд руб. Их обвиняют во взяточничестве в особо крупном размере и в фальсификации доказательств<sup>3</sup>.

В качестве объектов выгоды в цифровой коррупции выделяют также NFT (от англ. non-fungible token — невзаимозаменяемый токен). Данная цифровая технология является довольно новой, широкое распространение она получила в 2021 г. NFT представляет собой уникальный

<sup>1</sup> РБК. — URL: <https://prosecutordata.rbc.ru/>

<sup>2</sup> Официальный сайт антикоррупционного центра Transparency International. — Режим доступа URL: <https://www.transparency.am/>

<sup>3</sup> Лента.ру. — URL: <https://lenta.ru/>

цифровой предмет, который не имеет аналога и записан на блокчейне, владелец которого может как воспользоваться им путем дарения или продажи, так и оставить в своей собственности. Должностное лицо может получить незаконные денежные средства не только через систему криптовалют, электронный кошелек, но и через продажу ему какого-либо NFT, имеющего ценность.

Иными словами, NFT – это единица учета, с помощью которой создается цифровой слепок для любого уникального предмета. К таковым относятся картины, фотографии, видео, музыка, гифки (анимационное изображение в формате GIF, от англ. graphics interchange format), т. е. любой контент, претендующий на хоть какую-то уникальность. Они являются большой ценностью среди коллекционеров, геймеров и любителей искусства, а покупают и продают их через аукционы. В рамках цифровой коррупции посредством NFT может быть использовано занижение фактической стоимости данного объекта с целью перепродажи должностным лицом впоследствии за более высокую цену.

Рассматривая цифровизацию с позиций криминалистической науки, мы наблюдаем, что наряду с новыми возможностями для граждан нашей страны создаются и новейшие криминальные угрозы, с которыми ранее правоприменители никогда не сталкивались. К таковым относится совершение преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства путем использования информационных технологий, в том числе интернета, электронных площадок, электронных денег и др. В свою очередь, отмеченные обстоятельства приносят в криминальный мир новые цифровые инструменты совершения преступления, методы и способы их совершения, цифровые следы. К примеру, при передаче – получении денежных средств при совершении преступлений, предусмотренных статьями 204, 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), мы наблюдаем, с одной стороны, стандартную схему, при которой имеются взяткодатель, взяткополучатель, посредник во взяточничестве. Однако, накладывая сложившуюся на сегодняшний день ситуацию на составы указанных преступных деяний, можно констатировать, что элементы, входящие в криминалистическую характеристику данных преступлений, изменились. Так, следовая картина с бумажного носителя во многом перешла в электронную среду; отпечатки, оставляемые взяткополучателями

и взяткодателями, исчезли, так как наличные деньги постепенно уходят в прошлое, преступники стараются различными схемами получать безналичные расчеты и т. п.; кардинально изменился сам механизм совершения преступления – способы подготовки, совершения и сокрытия взяточничества перешли в виртуальную реальность.

Рассматривая составы преступных деяний, предусматривающие ответственность за преступления в финансовой сфере (ст.ст. 174–187 УК РФ), создание и деятельность организованной преступной группировки (ст.ст. 208–210.1 УК РФ), мы можем наблюдать существенно новые для криминалистической науки явления, которые возникли благодаря внедрению цифровых технологий. Людям не нужно встречаться, находиться в одном помещении и планировать, обдумывать совместно те или иные схемы совершения задуманного. Так, создание преступного сообщества, дальнейшее руководство им, координация действий, разработка планов и создание условий для совершения преступлений, последующий раздел полученных денежных средств осуществляются с использованием технических средств связи (мобильный телефон, планшет, компьютер). При этом не всегда в обязательном порядке они должны иметь доступ к интернету. Современные реалии позволяют преступникам совершать тяжкие преступления так, чтобы посткриминальные следы в реальной жизни не оставались, т. е. преступники очно друг друга не видят, не встречаются, общие знакомые отсутствуют и т. п.

Рассматривая глубже проблему коррупционных преступлений, отметим, что наблюдаются схемы совершения преступлений, благодаря которым следователи с трудом могут выявить организаторов преступного деяния. Данные факты связаны в первую очередь с тем, что цифровизация и использование искусственного интеллекта приводят к тому, что звонки, направление и получение ответов, запись – передача – обработка информации и прочее реализуются благодаря ботам, т. е. автоматизированным программам, которые имеют определенные повторяющиеся задачи. Вторая проблема при выявлении, к примеру, коррупционных преступлений в сфере ЖКХ – это обнаружение конечных организаций – ресурсоснабжающей и тех, через которые управляющие компании, товарищества собственников жилья и прочие осуществляют поставку – передачу соответствующих ресурсов. Практика свидетельствует, что зачастую они находятся за пределами

Российской Федерации. При раскрытии и расследовании преступлений данное обстоятельство играет существенную роль в точки зрения эффективности и сроков раскрытия преступления.

Целесообразно отметить, что в сфере ЖКХ цифровые следы могут оставаться не только у управляющих компаний, товариществ собственников жилья, иных ресурсоснабжающих организаций и компаний, но также у самих граждан, которые могут даже не подозревать, что в отношении последних совершается преступление. Так, не каждый проживающий в многоквартирном доме собственник ежедневно проверяет наличие либо отсутствие в личном кабинете на официальном портале информации о, например, записях использования «умного домофона», детали ежемесячных начислений в квитанциях на оплату за услуги ЖКХ, обслуживание шлапбаумов и др. Также не проверяются со стороны представителей власти проводимые работы по благоустройству придомовых территорий, уборке подъездов, строительству детских площадок и т. п. Встречаются факты закупки определенных деталей за пониженную стоимость вместо запланированных (впоследствии это сказывается на сроках эксплуатации оборудования), факты использования фирм-однодневок, которые после получения денежных средств не выполняют определенные в договоре работы и др.

К примеру, каждый из нас оплачивает ежемесячные сборы за обращение с твердыми коммунальными отходами независимо от того, заключен договор с региональным оператором и непосредственным потребителем или нет. Затрагивая вопросы, связанные с утилизацией отходов в больших городах, отметим, что модернизация «умных городов» предусматривает следующее. Цифровизация сферы сортировки и переработки мусора предполагает, что процесс будет происходить путем использования интеллектуальных информационных систем, которые собирают мусор, выкладывают его на конвейер, после чего весь мусор путем оптического сканирования измеряется и распознается по категориям. Далее в порядке очереди рассортированный мусор направляется на переработку либо на утилизацию. Человек в этом не принимает участия, все осуществляется за счет современных технологий. Однако надо учесть, что в связи с дефицитом земли в городах растет расстояние, на которое транспортируется данный мусор; в силу современных реалий (внешнеполитическая обста-

новка; последствия пандемии и рост цен в стране) не хватает рабочей силы для сортировки твердых бытовых отходов; внедрение новых технологий требует от государства немалых затрат и постоянного контроля (что сказывается на росте цен на оплату услуг по содержанию ЖКХ), но в связи с отсутствием интереса (материальной выгоды) это не делается. Таким образом, реализуя идею создания «умного города», государство выделяет немалые суммы для ее внедрения в жизнь, но практика показывает, насколько медленно все происходит либо процесс замораживается в связи с тем, что выделяемые денежные средства не доходят до целевого субъекта. На отмеченных участках системы наблюдаются множественные хищения денежных средств, связанные с разными уровнями государственного управления, преобладают мошеннические схемы, взяточничество, иные тяжкие преступления.

Ярким примером из следственной практики может выступать возбужденное органами Следственного комитета Российской Федерации по Ивановской области уголовное дело в отношении бывшего главы города Иванова, подозреваемого в получении взятки в сумме порядка 13 млн руб. Он обязался помочь предпринимателю в решении вопроса о переводе в аренду 37 земельных участков для оборудования «умных остановок» общественного транспорта<sup>1</sup>.

Автор настоящей статьи считает примечательным высказывание профессора В. Н. Карагодина, отмечающего появление революционных идей относительно того, что арсенал криминалистических приемов и методов, которыми мы обладаем сегодня, являются непригодными с приходом цифровизации, неспособными выявлять следы в электронном пространстве [2]. Накладывая данную позицию на коррупционные преступления в сфере ЖКХ, мы отмечаем, что запас криминалистических средств и навыков у следователя действительно недостаточен для выявления, раскрытия и расследования преступлений в обозначенной отрасли экономической деятельности.

Объективная реальность позволяет сделать вывод, что исследуемый процесс, внедряясь в ЖКХ, способствует избыточному регуляторному давлению, возрастанию конкуренции, стреми-

<sup>1</sup> Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <http://crimestat.ru/analytics>

тельному развитию технологий, усложнению рыночных условий. Наряду с этим предполагаемого уменьшения случаев взяточничества и хищений не произошло. Схема, в соответствии с которой сфера ЖКХ должна представлять собой прозрачную отрасль деятельности, где цифровизация и «умные счетчики» не позволят управляющим компаниям воровать у граждан многоквартирных домов денежные средства, выставлять не соответствующие использованным ресурсам квитанции на оплату и т. п., не срабатывает. Наоборот, мы наблюдаем рост числа коррупционных преступлений.

Вместе с тем сокращение и переучивание имеющегося персонала также не реализуется несмотря на то, что из государственного бюджета на это выделяются крупные денежные средства. У мигрантов продолжают списывать заработную плату, фальсифицируя их подписи в бухгалтерских документах; используются инсценированные работы для списания денежных средств и др. Так, за счет использования средств цифровизации государство пытается снизить трудовые и временные затраты граждан, работающих в производственных блоках с заявками по благоустройству, техническому обслуживанию сетей и др. То есть бригады, используя компьютерные программы, направляют соответствующие задания подчиненным; диспетчеры выбирают имеющийся транспорт, который не задействован при

выполнении работ. При выполнении любых работ сотрудники обязаны выкладывать фото-, видеоотчеты. В период, когда в Российской Федерации был введен режим карантина в 2020 г. и в дальнейшем в период борьбы с пандемией в 2021 и 2022 гг., все наблюдали, как сотрудники ЖКХ «дезинфицируют» детские площадки, придомовые территории и др. Под видом работы один из сотрудников в камуфляже обрабатывал химическим средством поверхности и протирал их, второй работник, находясь в обычной штатной одежде, шел за первым и фотографировал его на телефон для предоставления отчета.

Таким образом, цифровизация сферы ЖКХ двояко отражается на жизни нашего общества. С одной стороны, удобство, быстрота, эффективность, рациональность и экономия средств начинают давать положительные результаты, а с другой – наблюдаются проблемы экономического, административного, организационного и иного характера. Криминалистические признаки давно изученных составов преступлений в связи с процессом цифровизации совершенствуются, их распознавание становится проблематичным, меняются и другие элементы криминалистической характеристики преступлений. Все это позволяет констатировать необходимость в дальнейшем изучении и обобщении криминалистической наукой информации о влиянии современных технологий на механизмы преступлений.

### Список литературы

1. Воеводкин Н. Ю., Девятирикова Е. А. Особенности функционирования сферы жилищно-коммунального хозяйства в условиях цифровизации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 3-1. С. 35–38.
2. Карагодин В. Н. Цифровизация и наука «криминалистика» // Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность. – 2021. – № 3. – С. 35–39.
3. Попова С. А., Акулин С. В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Актуальные вопросы современного правотворчества. – 2023. – № 3. – С. 178–185.
4. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений. – М. : Юстицинформ, 2006.
5. Яндышев П. П. Цифровизация криминалистики // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. С. А. Черноморца. – Ханты-Мансийск, 2024. – С. 207–209.